

Михаил КУРАЕВ

ПАМЯТЬ О БЛОКАДЕ ИЛИ БЛОКАДА ПАМЯТИ?

Почему достоверные, полноценные знания о событиях минувших лет, о нашей недавней истории, отдаленной лишь десятками лет, полувеком, или события дальней истории, минувших веков, имеют для нас сегодня непреходящее значение?

На память пришел эксперимент, как оказалось, жестокий эксперимент, проведенный авиаторами в поисках ответа на жизненно важный вопрос: как выходить из «штопора», рокового пикирования с вращением, унесшего немало жизней?

С самолета сбрасывали птицу с завязанными глазами. Птица, расправив крылья, лететь не могла, начинала падать с вращением, по траектории «штопора»... и разбивалась о землю.

Мне видится в этом что-то общее с людьми, с человеческим сообществом по имени нация, народ.

Историческая слепота, не сродни ли она завязанным глазам птицы? Птица жива, птица полна сил, крылья расправлены, но не для полета, лететь не может.

Кто знает, может быть, и птице, падающей с высоты, кажется, что она летит, ведь под крылом привычно упругий воздух...

Манипулировать историей, прятать одно и выставлять наружу только то, что нужно в данную минуту для достижения, как правило, необъявленных целей, то же самое, что завязывать глаза. А дальше... конец эксперимента известен.

На страницах «Литературной газеты», посвященной очередной годовщине освобождения Ленинграда от немецко-фашистской блокады, в питерской странице «Невский проспект» на целую полосу статья Владимира Малышева, известного в Санкт-Петербурге журналиста и писателя, рекомендующая читателям «Запретную книгу» неведомого мне автора. В статье В. Малышев рассказывает, как даже с риском «попасть под статью» все-таки привез в свое время из Италии эту книгу в СССР. Да, журналист-международник мог потерять доверие властей и пост завотделением ТАСС за рубежом. И вот прошли годы и годы, наступила пора рассказать о тайно привезенной книге, почти ничем не рискуя.

Не помню, чтобы «ЛГ» отводила целую полосу одной книге, да еще и привезенной полвека назад.

Уникальная находка. Забытое сокровище, хранившееся где-то лет сорок?

Искать книгу не буду. И читать не буду. И рекламы ей делать не буду. Едва ли я от этого парня, автора, узнаю больше, чем от моих родных, проживших всю блокаду в Ле-

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». По сценариям М. Кураева снято 14 полнометражных фильмов («Сократ», «Господа присяжные...», «Раскол» и др.). Автор 20 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

нинграде, а не несколько первых месяцев, как он. Молодого человека 21 года от роду весной 1942 года вывезли по «Дороге жизни», которую рекомендуется нынче именовать «дорогой смерти». Но об этом чуть дальше.

«Не читал, но...» Не напоминает ли это те времена, когда, не читая, предавали анафеме...

Нет, не напоминает.

Щедро цитирует рекламируемую книгу уважаемый мной за годы сотрудничества Владимир Викторович Малышев. Цитаты занимают больше половины обширной по газетным меркам публикации.

Но не надо есть всю кастрюлю прокисшего борща, достаточно предложенных, надо думать, аппетитных мест «на пробу». Как говорится, на вкус и цвет товарищей нет. Ничего, кроме общих мест, оскомину набивших, за минувшие 60 лет многожды повторенных, цитаты в рекламирующей роман статье, на мой взгляд, не содержат.

Уважаемый коллега выбирает из романа «страшилки», и только «страшилки», они-то и есть правда, которую все еще «не задушишь, не убьешь», хотя все «душителю» давно либо разбежались, либо сменили окрас.

Но роман — произведение художественное, предьявлены и «красивости»: «Палал мягкий снег — как лепестки белых триумфальных (!) роз. Он встречал мучеников величайшей победы... и т. д.». Галантерейный стиль! Литературная бижутерия, после того, как машины шли по трупам, «как по шпалам».

Но ни автор, «мученик величайшей победы», ни комментатор его романа не сочли нужным хоть словом обмолвиться, откуда она взялась, эта «величайшая победа».

Действительно, разве люди, ценой жизни добывшие «величайшую победу», спасшие автора «Ленинградского блокнота», стоят доброй памяти? Вспоминать и пить за тех, «кто командовал ротами и умирал на снегу»? Надоело. Не те времена!

А какие? Теперь пришло время наконец-то переименовать «Дорогу жизни»... в «дорогу смерти»!

В качестве доказательства основательности такого переименования уже в переписке со мной приводятся В. Малышевым слова глубоко уважаемого нами Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Эту ледовую дорогу, называли дорогой смерти (а вовсе не „дорогой жизни“, как сусально называли ее наши писатели впоследствии)». «Надеюсь, что хотя бы Лихачева вы не будете опровергать?» — спрашивает меня Владимир Викторович Малышев.

Буду! И не только потому, что «авторитет есть принцип знания в бюрократическом обществе», как писал Энгельс, а потому, что много лет знал Дмитрия Сергеевича, многим ему обязан и любил его за открытость к диалогу. Нам случалось иногда и спорить, естественно, не по вопросам текстологии¹.

«Дорога здесь пробита сквозь блокаду, / Другой дороги не найти...» — поется в бессмертной, именно так, в бессмертной песне, единственной, сочиненной старшиной П. Краубергом (погиб) и сержантом Л. Шенбергом на стихи П. Богданова. Богданов из роты связи, обслуживавшей ледовую трассу. Все трое — не писатели! Все трое служили на Ладоге. Песня опубликована в газете «Фронтowej дорожник» в декабре 1942 го-

¹ Как-то речь зашла о сооружениях защиты Ленинграда от наводнений. Дмитрия Сергеевича как авторитет (в гидротехнике?) хитрецы и политиканы мобилизовали на борьбу с «дамбой». Откуда знаю про «дамбу»? С. С. Агалаков и мой старший брат С. Н. Кураев — главные инженеры проекта Комплекса сооружений защиты Ленинграда от наводнений. Оба заслуженные строители РФ. Я рассказал Дмитрию Сергеевичу, что за штука эта «дамба» и в чем лукавство организаторов борьбы с ней («Будет дамба — городу амба!»), он искренне признался: «Я ничего этого не знал».

да. Вот эти трое и опровергают предположение о том, что «сусальное» имя «Дорога жизни» (см. припев песни: «Недаром Ладога родная „Дорогой жизни“ названа!») придумано «впоследствии писателями». Эти ли три бойца первыми произнесли «сусальные» слова в первый год сражения на Ладоге за жизнь города, за жизнь ленинградцев? Может быть, и не они первые. Но то, что не «впоследствии» и не «писатели», это неопровержимо. Песня включена в сборник «Русские народные (!) песни, записанные в Ленинградской области. 1939–1949 гг.». Л.; М.: Музгиз, 1950.

Смею предположить, что резкость Дмитрия Сергеевича могла быть вызвана журналистами и конъюнктурщиками-писателями, в свою пору в угоду властям щедро наводившими румяна на портрет блокадника и розовые краски на картину блокады.

Дмитрий Сергеевич пишет о том, что, главным образом, перевозки шли ночью. Но есть еще и кинохроника. Впрочем, сколько перевезено ночью, а сколько днем, я не знаю. Знаю только, что нас везли в феврале через Ладогу днем. Был ясный солнечный морозный день. Ждали налета. И мы на трассе были не одиноки. От нашего синего автобуса, он тяжелый, полуторки держались подальше. Повезло? Об этом в моей книге «Блок-ада», со слов матери, разумеется. Через каждые пять-семь километров пункты питания и обогрева.

С санками, на которых нас с братом папина сестра и двоюродная сестра Валюша привезли с Васильевского на Кушелевку, в автобус не пустили. Привязали санки к бамперу. Их украли. Нам с братом печаль. Маме горе. Сама еле на ногах держится, а как нас двоих, по-зимнему одетых, тащить, да еще и поклажу? Люди помогли...

«И вот пройдут года войны суровой, / Залечит раны город мой...» — мечтают авторы песни. Все мечтали. Прошли года.

Не понимаю, что хотят доказать именуемые «Дорогу жизни» «дорогой смерти»?

Не нужно было «пробивать дорогу сквозь блокаду»? Или не здесь? Или не так? Скажите наконец, хотя бы сейчас, где и как? И железнодорожный мост через Неву не надо было жертвенно строить в 1943 году, едва прорвали кольцо. Но был ли выбор? Если не жертвенно, то как?

Я с ужасом вспоминаю гибель баржи чуть ли не с тысячей, если не больше, курсантов морских училищ. «Ладожский „Титаник“». После этого надо было прекратить навигацию? Не понимаю. Потеряв в первые полгода войны миллионы (?) пленных, надо было сдаваться?

Может быть, сдать город?

Мы читали: «Зачем защищать эти камни?» Неужели непонятно, что неодолимый Ленинград два с половиной года держал на своих плечах конфигурацию северо-западного театра военных действий! Ленинград воевал и был на стратегической позиции.

Не надо быть, кстати, стратегом, чтобы понять, что значит сдача Ленинграда. Пал Ленинград, и фашистам открыта дорога на Архангельск, на Вологду. Будет отрезан Мурманск, основная питающая артерия ленд-лиза. Враг получает мощную промышленную базу. Дальше Урал? Но жители города все равно обречены, можно почитать директивы Гитлера, сентябрь 1941 года. Есть документы, в них нам, ленинградцам, вынесен смертный приговор.

Ленинград был замковым камнем советского северо-западного направления. Вот какие «камни» ценой страшных, тягостных потерь защищали горожане и бойцы Ленинградского и Волховского фронтов. А еще было финское направление. И там надо было сдерживать друга и соратника Гитлера барона Маннергейма, нашедшего в нынешнем Санкт-Петербурге своих почитателей и поклонников.

Выстоял бы два-то с половиной года город без «Дороги жизни»? Без 35 километрового трубопровода, построенного за 50 дней в 1942 году для подачи горючего в жажа-

тый фашистами город? Без подводного электрокабеля, проложенного осенью 1942-го по трассе «Дороги жизни» для подачи в Ленинград электроэнергии от отвоёванной у врага и восстановленной Волховской ГЭС? Без подвига рабочих завода «Севкабель», выпустивших в Ленинграде к августу (!) 1942 года 100 километров бронированного подводного кабеля? На гидроизоляцию пошел запас бумаги с водяными знаками с фабрики Гознак. На этой бумаге печатали деньги.

Целых три «Дороги жизни»!

С «дорогой смерти» город точно бы не выстоял.

Теперь в цене ужасики.

Вот наш земляк писатель Михаил Глинка опубликовал воспоминания о блокаде своего дяди, ученого, достойнейшего сотрудника Эрмитажа, написанные где-то в 60–70-е годы. Характерная для последних лет публикация: умирали, умирали, умирали... Человек с отрезанной ногой на снегу. Вымершие квартиры, вмерзшие в снег трупы... Все правда. А потом — раз, и поехали посмотреть на артиллерийские позиции немцев под Красное Село на Воронью гору.

Куда делись немецко-фашистские захватчики?

А хрен его знает!

Умирали, умирали, а кто не умер, чью ногу не сварили, поехали посмотреть?

Не читать же блокадника Михаила Дудина «Песнь Вороньей горе». Совковая пропаганда!

Но поют «Снегири» Юрия Антонова на стихи Дудина, и у людей на глазах слезы.

...От переднего края раскаты гремят,
Похоронки доходят до тыла.
Под Вороньей горою погибших солдат
Снегириная стая накрыла.

Трагедия велика и неизбежна, но забывать при этом о тех, кто город ОТСТОЯЛ, спас, защитил ценой собственной жизни разве по-человечески?

И сколько о людях ежедневного подвига мы еще не знаем.

Они нынче не в тренде!

А им, прославленным и мне неведомым, — честь, слава, вечная память и по гроб жизни, до последнего вздоха моя благодарность за каждый подаренный ими день.

Моя мать говорила, что никто всей правды о блокаде никогда не узнает и не скажет, но разве то, что город воевал и выстоял, НЕПРАВДА?

Недавно узнал, что за время блокады в Ленинграде построено шестнадцать аэродромов и взлетных площадок. Девушками нашими. Нестроевыми мужиками. Солдатами. Моряками. (Вот и мать Владимира Малышева, молодая женщина, участвовала в этих работах.) О том, что о главном аэродроме Смольное, впоследствии Ковалево, поддерживавшем связь с Большой землей, немцы так и не узнали и ни один снаряд, ни одна бомба на него не упали, сам узнал только сейчас, работая над книгой о ленинградских летчиках. Читал и не верил своим глазам. Хотелось знать подробности, имена... Немцы не знали — хорошо, а то, что я об этом узнал в 2022 году! — непростительно, скверно, обидно. Аэродром принимал по 70 самолетов в день, принимал тяжелые воздушные транспортные корабли!

Вот цифры, всего лишь цифры, не пробегайте по ним глазами, задержитесь, за каждой из них ежедневный труд тысяч ленинградцев в заблокированном городе, не прекращавшаяся ни на день работа!

Судостроительные предприятия в Ленинграде за годы войны и блокады дали флоту 7 подводных лодок, 22 бронекатера, вооруженных танковыми башнями. Я их помню. 48 морских охотников. 116 самоходных плашкоутов. 5 судоподъемных понтонов на 200 тонн каждый. Отремонтировано более 260 кораблей. Изготовлено 120 000 морских мин, 1500 минометов... Огласить весь список?

Почему о судостроителях? Да потому, что сестра отца, что везла меня с братом на Кушелевку, кстати владевшая стенографией и машинописью, была секретарем директора одного из судостроительных заводов. «Вот такие при начальстве и выживали!» — потирают руки коллекционеры «правды» о блокаде.

Вот вам в «коллекцию» история 32-летней в декабре 1941 года Маргариты Николаевны Кураевой. В ноябре в приемную директора вошли двое заводчан, командированных на строительство аэродрома на бывшем колхозном поле. Принесли в подарок директору мешок мороженых капустных листьев. Маргарита Николаевна потребовала отнести «подарок» на заводскую кухню, подкармливавшую живших на казарменном положении рабочих завода. Но директор был рад «подарку» и принял, соблазнился морожеными капустными листьями. Маргарита Николаевна тут же написала заявление и ушла работать в цех. В начале декабря она похоронила мать, мою бабушку.

Вот почему Ленинград выстоял.

Неужели знать о том, как воровали дуранду и грабили брошенные квартиры, интересней, важней, чем передать потомкам, кем и как была организована ЖИЗНЬ города, РАБОТА города, ОБОРОНА города, как, чьим трудом и волей в апреле (!) 1942 года пошел трамвай?

Что значит «пошел»? Не зная трамвайного хозяйства, напряжем воображение. Чтобы трамвай пошел, нужно проверить и отремонтировать путевое хозяйство по всем возникаемым маршрутам. Нужно восстановить контактную сеть. Проверить простоявшие зиму без нагрузки, а то и поврежденные от бомбежек и обстрелов питающие подстанции. Собрать вагоновожатых, кондукторов, ремонтников... Подготовить вагонный парк... И еще множество неведомой нам, пассажирам, обязательной работы. И только когда она была исполнена, только тогда пошел трамвай. И всю эту работу нужно было организовать, то есть найти материалы, собрать людей, расставить по рабочим местам, получить лимит на электроэнергию, обеспечить финансирование...

Когда началась эта работа, если после страшной зимы вместе с каплей в городе зазвенели трамвайные звонки?

Но нынче спрос на другую правду?!

Говорю это все под впечатлением от комментария к «запретной книге», в первой версии «Ленинградский блокнот», изданной в оккупированном Николаеве и *вызавшей интерес гестапо*, как сказано в рекомендательной статье. Какого рода интерес? Понравилась публикация гестаповцам? В каких чинах? Что они одобрили? Что порицали? Что вызвало у гестаповцев смущение, а то и желание, чтобы молодой автор поработал еще?

Вот же что для читателей, интересующихся литературой, быть может, самое важное.

Понравилось гестаповцам, наверное, про «шпалы из трупов». Маслом по сердцу... И образно!

Нас везли через Ладогу в феврале, мама про «шпалы из трупов» не рассказывала. Хотя много страшного и неприглядного помнила, память до последнего дня была великодушная. Я писал, везли днем. «Шпалы» не спрячешь.

В апреле тем же маршрутом вывезли мою двадцатилетнюю двоюродную сестру Валюшу, выглядела как старуха. В Василеостровском райсовете, когда пришла за эва-

коталоном, спросили: «Что вам надо, бабушка?» — но «шпалы из трупов» почему-то тоже не видела.

Вообще первый раз слышу об издании 22-летним писателем воспоминаний на оккупированной территории. Это же интереснейший факт. Литературная жизнь в оккупации!

Автор статьи цитирует «запретную правду»: «Все (!) апокалиптяне (!) ходят подпоясанные ремнями, кушаками или веревками — так теплее». Было. Но на той же полосе газеты известная фотография, где три «апокалиптянки» идут явно зимой по Невскому, везут на саночках покойника, все (!) трое не подпоясаны ни ремнями, ни веревками.

Хорошая иллюстрация к «запретной правде». Впрочем, свое сочинение автор назвал «романом». А с романиста какой спрос?

Наши родные прожили всю блокаду в Ленинграде, работали, учились. Маргарита Николаевна, правда, уже в 1944-м училась в вузе на вечернем и брала уроки музыки. Ни от кого не слышал о том, что «охрана хлебных мест (?) поручена фронтовикам», которые не вели следствия. «Убивают на месте». А «хлебными местами» по-русски называют должности, за которые яростно дерутся разного рода хапуги. Впрочем, автор «запретной правды» после войны жил в США, может быть, там булочные называют «хлебными местами»?

О художественных достоинствах автор похвально-рекламной статьи ничего не говорит, ни о героях, ни о сюжете книги, он только черпает в ней все ту, скрытую от нас «запретную правду». Так что речь в первую очередь не о литературе, а об истории. О подходе к ее изложению и осмыслению.

В дни годовщины освобождения города от блокады по ТВ показывали, естественно, много кинохроники. Теперь уже я искал глазами «апокалиптян», подпоясанных «кушаками и веревками», и не увидел. Вот ведь цензура какая! Не хотели показывать «правду» о блокаде!

Но «апокалиптяне» не только ходили еле-еле, перепоясанные веревками.

Когда фашисты упрутся в стены города, по предприятиям будут организованы батальоны народного ополчения, это кроме тех дивизий, что уже ушли на фронт.

«...И если завтра будут баррикады, мы не покинем наших баррикад!» — писала «апокалиптянка» Ольга Берггольц.

Мама носила ее книжку «Ленинградская поэма», изданную в 1942 году в Ленинграде, в сумочке рядом с тем, что поддерживало жизнь, рядом с деньгами и продуктовыми карточками.

В постановлении об организации батальонов записано: «4. Вооружить батальоны народного ополчения винтовками, охотничьими ружьями, пулеметами ППД, гранатами, бутылками с горючей смесью, а также холодным оружием: саблями, кинжалами, пиками и др.».

В то время когда горожан призывали отбиваться «охотничьими ружьями, саблями, кинжалами, пиками и др.», с октября по 14 декабря с аэродромов Ленинграда на защиту Москвы было отправлено пулеметов Дегтярева — 260, 76-миллиметровых полковых орудий — 452, минометов от 55 до 120-миллиметровых — 1854, более 30 тысяч снарядов...

Из восьмисот основных предприятий города работало двести. Работало! Работали станки. Плавился металл. ОТК проверял каждый ствол, каждый снаряд...

Не только спасались и жертвенно умирали, но воевали, и в решающий час город был крепким плечом Москвы...

Так воевал мой Ленинград. Так воевали ленинградцы.

Выстояли. Выжили, Победили.

И это — ПРАВДА.

Мне претит одностороннее изображение блокады, как в «белую» так и в «черную» сторону. Об этом мой старый очерк «Блокадные весы».

Речь не о том, чтобы забыть мародеров, не забыть бы тех, кто отстоял город,

Как же еще удручающе мало об этом знаем, а те, кому сегодня от 15 до 40, облученные антисоветской пропагандой (у нас нет идеологии!), инфицированные «новыми ценностями» (обогащайтесь!), «новой моралью» (урви от жизни все и побыстрее!), эти и вовсе ничего не знают.

В людях молодых воспитывается враждебность к той жизни, которой они не знали.

И еще. Быть может, самое главное. Недаром же заключительная главка обширной статьи звучит непреклонно героически: «Правду пытались уничтожить». Главка эта как бы подводит итог обширному в масштабах газеты повествованию.

То, что правду пытались уничтожить, новость не самая свежая.

А вот свежая новость!

Правду не хотят знать сегодня!

Говорить о блокаде во всей полноте, оказывается, «ломиться в открытые двери».

Да, я стою у открытых дверей, на которых написано: «Гриф секретности снят», ору: «Заходите, читайте, изучайте! Вот где город встает без прикрас! Новые материалы! Секретные документы!»

Но вместо движения вперед в изучении и осмыслении феномена «ленинградская блокада» меня откидывают на 60 лет назад.

Сегодня, когда история блокады, подвига и страданий ленинградцев может изучаться в открытом доступе в архивах и множестве изданий, предьявляющих обжигающие документы, воссоздающие подлинную картину трагедии и подвига, как же можно оставаться на рубежах, завоеванных по инициативе Алеся Адамовича еще в 70-е годы.

Недаром же исследователи удивлялись количеству дневников, которые вели ленинградцы от мала до велика в годы блокады. Объяснение только одно — люди сознавали происходящее и с ними, и вокруг как факт большой истории. А верное понимание факта позволяет видеть или предполагать его последствия.

Воспоминания людей, по-разному переживших блокаду, безусловная ценность. И арифметика, безусловно, фундамент математики, но есть еще и алгебра, и высшая математика.

Сколько же можно, описывая нашу историю, сидеть в начальных классах?

Чтобы не быть голословным.

В 2011 году, уже после смерти автора с предисловием Д. А. Гранина издан труд Абрама Бурова «Блокада день за днем», хроника всех 900 дней блокады. Книга, содержащая много «запретной правды». От первой, «шадящей» читателя редакции в 1979 году шла к полному изданию 30 лет! И пришла. Почти 700 страниц большого формата... Реальные свидетельства. Но разве этой книге на «питерских страницах» «ЛГ» отведена целая полоса в дни блокадной годовщины?

Если кому-то случится думать и писать о блокаде, прошу: не обойдите вниманием хотя бы книгу «Ленинград в кольце блокады. Гриф секретности снят. Сборник документов». 2014. Фонд «Креатив». 650 страниц. Тираж 4000. Документы!!! С минимальным необходимым комментарием. Пожалуйста, со статистикой столь любимой нынче темы, как людоедство. Даже приведена не только статистика, но и социальная принадлежность не выдержавших испытания голодом. Интеллигенция на последнем месте.

Мучительные документы, требующие осмысления. Даже про тюрьмы в блокадном городе. О судьбе заключенных. О суточном распределении бензина... О формировании

подполья на случай сдачи города... Изданы «криминальные» блокадные дневники, сохранившиеся на Литейном, 4, в НКВД—КГБ. Это документы, и они наконец открыты, их публикуют. Документы дают сегодня возможность подняться на новый уровень осмысления великой трагедии и великого подвига Ленинграда, а не сводить через полвека с безопасного расстояния счеты с советской цензурой.

И то, что «Дорога жизни», подарившая мне и сотням тысяч ленинградцев жизнь, должна именоваться «дорогой смерти», для меня звучит категорически неприемлемо, почти кощунственно.

Вот рубеж, разделяющий мою позицию и позицию моего коллеги В. Малышева, рекламирующего первую «книгу о блокаде, о которой мало кому известно». Не очень понятно, о книге «мало кому известно» или о блокаде. Понимай, как сумеешь.

Позицию журналиста, писателя, коллекционирующего «блокадные страсти» и забывающего сказать хоть два добрых слова о городе-воине, о горожанах-победителях, никогда не приму.

Троих самых близких мама потеряла — трагедия. Двоих спасла — подвиг.

Я убежден в том, что в ясной и твердой позиции: ТРАГЕДИЯ И ПОДВИГ НЕРАЗДЕЛЬНЫ — больше правды, чем в голой «чернухе», которую уже давно никто ни души, ни убивать не собираются.

Было время, когда «пытались уничтожить» правду, сегодня — не хотят знать.

Так что же, в конце концов, слаще: советский хрен или антисоветская редька?

На память приходит запись в «Дневнике» Льва Толстого после прочтения «Истории» С. М. Соловьева: «Приходишь к выводу, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвел великое единое государство?»

Вот и у нынешних «историков» блокады тоже получается так, будто «ряд безобразий» привел к «величайшей победе», а великого и единого государства просто не было.

Еще в какие времена сказано: «Ходяй во тьме не весть, камо грядет».

Вот и вспомнишь птицу с завязанными глазами.

Конец эксперимента известен.